

УДК 32

СЕКСИЗМ В ПОЛИТИКЕ КАК ФАКТОР НЕДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В.Б. Голубев*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола*

Проблема участия женщин в политике вызывает в последнее время большой интерес, что обусловило появление термина «гендер» и различных словосочетаний с ним: «гендерное равенство», «гендерные измерения», «гендерная асимметрия». Одно из определений понятия, на наш взгляд, наиболее точно передает его сущность. Согласно социологу А. Гидденсу, «это не физические отличия между мужчиной и женщиной, но социально обусловленные качества мужественности и женственности».

The problem of women's participation in politics has become of great interest recently. It caused the appearance of the term «gender» and its combinations: «gender equality», «gender measurement», «gender asymmetry». One of the concept's definitions is of special attention as in our opinion it gives a precise definition to the word «gender». According to sociologist A.Giddence, it is «not physical distinctions between men and women, but socially formed features of courage and femininity»¹.

Речь, прежде всего, по-видимому, идет об ожиданиях в общественной жизни государства относительно поведения, рассматривающегося как соответствующее для мужчин и женщин. Гендер, как уже упоминалось, слово английское, означающее грамматическую категорию рода. В конце XX века этот термин стал широко использоваться в таких науках, как политология, социология, социальная философия. Начиналось развитие «гендерных исследований». Они возникли не вдруг, но после проведенных акций различными женскими движениями в мире. В 70-80-х годах XX века, под напором феминистской критики всевозможных форм господства и угнетения, явного отсутствия равноправия между мужчинами и женщинами, подобные вопросы стали «рассматривать» не только властные структуры, но начались научные исследования, подвергшие сомнению традиционализм и фундаментализм и искавшие способы создания реальной демократической альтернативы. Это был своего рода феминистский вызов традиционному отношению к женщине во всех сферах общественной и частной жизни. Суть этого вызова заключается, как справедливо отмечает С.Г. Айвазова, в требовании учитывать при разработке любой обществоведческой теории тот факт, что составляющие общество люди не бесполо, что они делятся на женщин и мужчин, имеющих различное воспитание, различный социальный опыт, а потому по-разному реагирующих на то, что происходит в социуме, по-разному разрешающих конфликты, по-разному оценивающих вектор общественного развития². В связи с приходом в нашу страну

идеи «перестройки» появилась возможность для возрождения женского движения.

В то же время процессы политических, социальных, экономических изменений спровоцировали усиление гендерной асимметрии – неравенство в социальных позициях женщин и мужчин, ухудшение положения женщин во многих сферах общественной и государственной жизни. Традиционный подход считался устаревшим, концепция гендера уже стала востребованной. Важно отметить, что многие отечественные исследователи сомневаются в ее изначальном посыле. Как им представляется, социальное поведение женщин и мужчин предопределено врожденными биологическими различиями. Женщины, якобы, пассивные, кроткие, терпеливые, а мужчины – энергичные, активные, сильные. Они должны вести и ведут войны, покоряют природу, управляют ядерной энергией. Рутинный домашний труд, воспитание детей – для женщин. По их мнению, природа все расставила по местам.

Те же ученые и общественные деятели, что придерживаются гендерного подхода, утверждают, что традиционное разделение ролей на «женские» и «мужские», которое принято считать «природным», является результатом определенного типа социализации, воспитания, обучения. Эти типы воздействия на человека с раннего детства передают идеи мужского социального превосходства. Патриархат – это установившаяся 5-8 тыс. лет тому назад система отношений между мужчиной и женщиной. Она и обозначила общество «традиционным». Почитание мужской силы,

право силы, утвердившееся в гендерных отношениях, превращается в основание всех известных человечеству авторитарных и тоталитарных политических режимов – власти вождей, фюреров, каудильо, «отцов» народов, императоров, диктаторов. Пока гендерное неравенство сохраняется, существует потенциальная возможность продления власти авторитарного и тоталитарного типов. Подобная власть имеет аппарат насилия. Но она включает в свой арсенал влияние на сознание людей и более изощренные методы воздействия. Это – известные методы идеологической обработки с помощью языка, культурных образцов, формирования строгих норм должного социального поведения, методы воспитания, социализации. Такие методы оберегают власть – мужчин от восстания подчиненных – женщин.

И только буржуазные революции в Европе, выступления ученых, прежде всего, Англии и Франции о правах человека, их защите, заявления о свободе, политическом равенстве, равенстве всех перед законом, позволили изменить отношения господства – подчинения, в отношения равные. Муж, начальник, хозяин, монарх перестают быть властелинами, ощущать себя властителями подчиненных, которые при традиционном укладе принадлежали ему душой и телом. Всемогущий властелин обязан превратиться в простого исполнителя определенных функций в совершенно иной системе разделения труда, предусматривающей не владение другим человеком, а управление конкретным процессом. Его взаимодействие с подчиненными превращается в согласованное распределение ролей и обязанностей между различными, но равными субъектами. В изменении характера власти, ее перераспределении между государством и гражданским обществом, между мужчинами и женщинами, по большому счету, и состоит суть демократических переустройств общественных систем.

Известный немецкий социолог Г. Зиммель относит к числу признаков модернизации выдвигание на первый план общественной жизни проблематики прав человека, включая права женщин, промышленную революцию, урбанизацию, распространение всеобщего образования [Simmel G. Philosophie de la modernite. – 1989. – P. 159-161]. Важно отметить, что с постановки вопроса о правах человека, о равенстве всех людей перед законом начинаются и перемены во взглядах на назначение женщин, на их роль в обществе, на их статус, который в традиционном обществе зиждется на одной функции – продолжательниц рода. Такие перемены идут очень нелегко. И сегодня можно констатировать, что у многих речь идет о правах женщин либо как о проблеме «секса», либо как о «женском вопросе», а вовсе, по справедливому замечанию

С. Айвазовой, не как о «проблеме обретения права на полноценную жизнь для целой половины человечества».

Как представляется, сложности внедрения в жизнь демократических начал вызваны тем, что все правовые нормы и стандарты современной демократии формировались, с одной стороны, как универсальные, а другой – как селективные, ориентированные исключительно на состоятельных белых мужчин. Как известно, только мужчине буржуазное право признает на раннем этапе своего развития субъектом, своим носителем. С появлением демократических порядков законодатели не признали женщин полноправными, полноценными гражданами. Женщины, вместе с имущественно несостоятельными лицами, недееспособными, детьми, попали в категорию неспособных отвечать за себя перед законом.

Говоря об истории развития современного права, с этой точки зрения, вероятно, ее следует рассматривать как историю постепенного подведения под действие закона всех первоначально отбракованных, неважных и ненужных категорий населения. Известно, что женщинам для обретения статуса полноправных гражданок пришлось бороться 300 лет. Бороться с ограничениями и предрассудками, создавая движения за права женщин. Так называемая тихая женская революция продолжается

И в наши дни ощущается ее воздействие: не только первые лица государств – с женским лицом, но и большие завоевания в других структурах власти. К примеру, в Канаде, Исландии, Дании, Норвегии, Финляндии, Швеции эта революция подошла к логическому завершению: здесь почти половину мест в государственных органах занимают женщины. Им удалось изменить содержание политики: приоритетными в этих странах стали вопросы здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения. Благодаря активному участию женщин в названных государствах изменилась повседневная жизнь простых людей: им стало удобно, уютно, спокойно жить в своих странах. Серьезная победа в сознании многомиллионного народа Аргентины произошла в 2007 году: здесь избиратели не только проголосовали за кандидатуру в президенты страны – женщину, но и вторым кандидатом на эту должность народом была поддержана тоже женщина. К сожалению, в большинстве стран мира еще существует такое понятие, как «политическая маргинальность» – контекст существования в современном социуме не только женщин, но вообще всех слоев населения, страдающих от неравенства, несправедливости, эксплуатации, угнетения, унижения. Их, по традиции, относят к «меньшинствам», правда на деле выясняется, что они образуют большинство об-

щества. Это не признанное большинство как-то само по себе исключается из процесса принятия решений. Его представители вынуждены адаптироваться к чужим и чуждым политическим решениям, а это, в свою очередь, порождает у них настроения иждивенчества, ожидания покровительства и т.д. Подобная ситуация помогает укреплению авторитарного политического режима.

Нечто схожее с этим явлением происходит в современной России. Важно отметить, что с самого зарождения российской государственности, за исключением так называемой «вечевой демократии» в Новгороде, Киеве, Пскове, Белгороде, государство всегда было выше общества, выше личности, все политические решения, в конечном итоге, принимала государственная власть. Поэтому женское движение в России отличалось от подобных организаций на Западе. Там буржуазно-демократические революции «застолбили» вопрос о правах человека, особое внимание уделялось правам женщин, в России в начале развития движения стоял вопрос об ограничении власти государства над обществом, затем – вопрос о решении социальных прав. И только высочайший манифест императора Николая II объявил о новом конституционном строе, где нашлось место и представительному органу – Государственной думе. Но закон о порядке выборов в Думу давал право избирать только мужчинам. Женщинам – никаких политических прав. В обществе возникает недоумение: получается, что женщины неравноправны с мужчинами. С тех пор и начинается серьезная борьба российских женщин за свои права, и не только социальные, но и политические.

Борьба не прошла впустую: Февральская буржуазно-демократическая революция зафиксировала равноправие женщин как один из главных принципов общественной жизни. После Октябрьской революции 1917 года эта норма была утверждена декретами и приняла форму закона. Утверждение равноправия мужчин и женщин стало одним из направлений государственной политики. Западные страны были вынуждены «оглядываться» на Советскую Конституцию, которая являлась серьезным стимулом для женского движения, движения за равные с мужчинами права. Документы, принятые советским правительством, к сожалению, были прогрессивными лишь в бумажном виде, на практике женщины были втянуты в общественное производство, получили доступ к образованию; показательно, к примеру, привлечение женщин к участию в органах местного самоуправления и даже парламенте Страны Советов – Верховном Совете.

В то же время нужно отметить, что действительных властных полномочий эти органы не имели.

Известен способ «избрания» в высшие представительные органы СССР, РСФСР, других союзных республик: женщин туда «назначали», а списки «назначенных» единогласно одобряли. Все руководство страны осуществлял Генеральный секретарь ЦК КПСС, члены Политбюро ЦК. За 70 лет существования советской коммунистической власти, со сталинских времен, ни одна женщина не допускалась к высшему эшелону власти, за исключением министра культуры СССР Е. Фурцевой, с позволения Хрущева ставшей членом секретариата ЦК КПСС.

В целом положение женщин на политическом олимпе в советское время было следующим. Взять период наивысшего расцвета коммунистической власти в стране – подготовки и празднования 50-летия Октябрьской революции. В 1966-1967 годы все население государства составляло: 54,2% женщин, 45,8% – мужчин, члены КПСС-женщины – 20,9%, мужчины – 79,1%, в составе Центрального Комитета правящей партии – 2,8% женщин, 97,2% мужчин; среди членов политбюро и секретариата женщин не было вовсе. Незначительное количество женщин-членов бюро обкомов, горкомов, райкомов партии означало, что те органы власти, которые реально разрабатывали внешнюю и внутреннюю политику страны, были закрыты для женщин. Они не были и не могли быть субъектом, а только объектом политики, воздействия на них мужчин, наделенных властными полномочиями.

Другое дело с депутатством в Верховном Совете СССР. Там для своего и зарубежного читателя публиковались цифры, производившие неизгладимое впечатление. Была придумана специальная квота, необходимая для женщин: для Верховного Совета – 30%, для органов местного самоуправления – 40-50%. Такое постановление Политбюро ЦК КПСС возымело действие. В 1939 году в органах местного самоуправления было 33,1% женщин от всех депутатов, в 1971 году – 45,8%; численность женщин-депутатов Верховного Совета, к примеру, в 1922 году составляла 26%, в 1970 году – 31%³. Квотирование было отменено в период демократической волны – «перестройки». И в 1990 году в парламенте страны присутствовало 5,6% женщин. С тех пор эта цифра если и изменялась, то незначительно. Женщины не попадают в большую, ответственную политику. Объяснений здесь несколько. Закрепление в Конституции РФ 1993 года нормы, провозгласившей Россию демократическим государством, предполагает и гендерное равноправие. А такое положение предусматривает, что женщинам должна быть обеспечена – не только юридически, но, главное, фактически – вся совокупность прав человека, включая право на участие в принятии политических реше-

ний. В текст Конституции включена норма гендерного равноправия: ст. 19, ч. 3, которая входит в общий раздел «Права человека»: «Мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. Символическая ошибка (или преднамеренная описка) вкралась в Конституцию РФ: «Мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации»⁴. Нельзя не согласиться с выводами известного специалиста в области гендерных отношений и защиты законных прав женщин С. Айвазовой, уверенной в том, что высшие государственные властные структуры не следуют нормам Конституции. Действительно, они не отказались от советского патернализма в отношении женщин: от политики, основанной на сочетании скрытой маргинальности женщин и их показной, демонстративной псевдополитической активности. Как представляется, исполнительной власти в Центре и в субъектах Федерации следовало бы разработать такую систему мер, которая гарантировала бы не только формально-юридическое, но и действительное, фактическое равенство политических шансов и мужчин, и женщин. Политическая власть в лице Президента страны в 90-е годы XX века предпринимает попытку закрепить и развить конституционные нормы гендерного равенства. Публикуются Указы Президента «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Еще были приняты два национальных государственных плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе. Первый план был рассчитан на 1996-2000 гг., второй – на 2001-2005 годы. В обоих документах декларировалось расширение возможности включения женщин в структуры власти. Эти национальные проекты должны были подвигнуть Государственную Думу к закреплению Конституционного принципа гендерного равенства – через законы. Дума, состоящая из мужчин, не принимает необходимого количества законов, но и отмалчиваться неудобно. Она принимает «концепцию законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин». Звучит как бы неплохо. Но любая концепция – это не закон, хотя она и накладывает некоторые обязательства, пусть минимальные, в плане дальнейшей законотворческой работы.

На поверку оказалось, что все документы, принятые законодательной (да и исполнительной) властью, носят сугубо декларативный характер. Взятые на себя государством формальные обязательства не предусматривали организационных и финансовых ресурсов

для обеспечения этих обязательств. Даже национальные планы не финансировались из государственного бюджета. Несмотря на, казалось бы, активное участие России в международных соглашениях по решению гендерных вопросов, РФ формально относится к этим документам. Документам важным и нужным. К примеру, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая ООН в 1979 году; итоговые документы Всемирной конференции по правам человека, принятые в Вене в 1993 году; Всемирной встречи в интересах социального развития (Копенгаген, 1995); Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, 1995) и другие. Эти документы призваны способствовать продвижению женщин в управленческие структуры с помощью особых нормативных поддержек, включая гендерные квоты в партийных органах и списках кандидатов в депутаты.

В Российской Федерации, как уже говорилось, нашли определенный отклик некоторые документы. Более того, в 90-е годы прошлого века создаются органы, обладающие в основном консультативно-координационными функциями: Комиссия по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ, Комитет по делам женщин, семьи и молодежи в Государственной Думе, Комиссия по делам женщин при Председателе Совета Федерации, Комиссия по вопросам женщин при Правительстве России, Департамент по делам детей, женщин и семьи в Министерстве труда и социального развития. Вроде бы солидный перечень солидных организаций. Но (вот парадокс!) ни одна из названных «громких» организаций не была узаконена. Это значит, что существование этих органов не подкреплялось специальным законом, либо постановлением правительства РФ, либо постановлением других государственных органов, поэтому деятельность организаций с приставкой «при» полностью зависит от руководства структур, при которых они должны функционировать.

Например, проработав пять лет, Комиссия по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ, во время очередной реорганизации Администрации Президента, исчезла. Та же участь постигла и Комиссию по делам женщин при Председателе Совета Федерации. Под большим вопросом находится и существование Комитета по делам женщин, семьи и молодежи новой Государственной Думы.

Еще одна особенность наших государственных структур заключается в том, что созданные органы по вопросам гендерных отношений, защите прав женщин кое-как работают на федеральном уровне, но почти никак – на региональных, в субъектах Российской Федерации.

Важно также отметить то обстоятельство, что, изучая названия этих органов и их размещение в структуре исполнительной власти в стране, в государственной политике в области равноправия нет единого концептуального подхода ни к определению ее целей и задач, ни к средствам и формам их достижения. Необходимо заметить, что государственную политику в этой сфере определяет не принцип гендерного равенства, закрепленный в Конституции, а прежний, традиционный подход к реализации идеи равноправия с акцентом на государственный патернализм и сложившийся на этой основе концепт «улучшения положения женщин». Так уж повелось, что не только в законодательной, но и в исполнительной власти рейтинговые, престижные должности занимают мужчины. В Правительстве РФ на должности министра, например, была одна женщина, и только в 2007 году министерские портфели получили две женщины. Но из огромного количества руководителей субъектов Федерации так и остается одна женщина, землячка Президента страны.

Об антиженской ментальности мужчин-лидеров политических партий свидетельствуют включения ими в списки кандидатов в депутаты Государственной Думы, согласно пропорциональной и мажоритарной избирательным системам.

Несколько цифр для сравнения.

К выборам 2007 года «Единая Россия» приняла Закон (большинство мест в Государственной Думе принадлежит этой партии), согласно которому выборы в Думу должны проводиться только по пропорциональной избирательной системе, т.е. «электорат» должен голосовать за списки кандидатов, составленные лидерами политических партий.

Важно еще помнить, что попадание в списки не означает попадания в парламент. Дело в том, где располагается фамилия женщины-претендентки на депутатское кресло: в центре списка, в начале или в конце. По итогам декабрьских (2007 г.) выборов в Государственную Думу в числе депутатов оказались 63 женщины (14%). Предположим, многие попали в списки из-за достижений в фигурном катании, гимнастике, лыжном спорте, но все-таки это больше (количественно), чем в составе Государственной Думы прошлых созывов.

Маргинальность женщин в законодательной власти приводит к дисбалансу самой этой власти. Известно, что «мужской» парламент никак не сможет учесть социальные, да и политические интересы женщин. Гендерный дисбаланс властных структур сказывается на повседневной жизни российских женщин. Это и узаконенная разница в оплате за труд. Средняя заработная плата в так называемых женских

отраслях (легкая, текстильная промышленность) составляла в 90-е годы XX века около 40% от средней заработной платы по стране. В то же время средняя заработная плата в так называемых мужских отраслях производства (нефтедобывающая) 360%⁵.

Сегодня, если что и изменилось, то незначительно. Мужчины часто ссылаются на неопределенное индифферентное отношение женщин к политике. И это так, потому что политика для большинства женщин остается инородной, малодоступной сферой, сферой, где следует «казаться», а не «быть», и поведение женщин часто оказывается продиктованным «пониженной», по сравнению с мужчинами, политической ангажированностью и «повышенной» склонностью к конформному политическому поведению. То есть к оглядке на чужую систему ценностей, к выбору по аффективным, а не рациональным мотивам, не в пользу конкретного лица, а в пользу его статуса. Может и правда есть очень существенные отличия женщин от мужчин? Согласно исследованиям, выяснилось, что основные отличия мужчин и женщин находятся в мозге⁶. Об этом объявили ученые Гарвардского университета (США), проведя новейшие исследования. Дело в том, что в одном из опытов добровольцы – мужчины и женщины, «ходили» по улицам созданного компьютером виртуального города. Чтобы добраться до определенного места, мужчины тратили в среднем 2 минуты 22 секунды, женщины – 3 минуты 16 секунд. Ученые полагают, что отставание даже не в том, что женские нервные клетки медленнее обмениваются импульсами. Этот недостаток компенсируется более высокой скоростью крови в сосудах мозга. Просто женщины думают «другим местом» – в основном лобными долями мозга, а они отвечают не столько за логику, сколько за интуицию и эмоции. Мужчины же, решая любую задачу, включают всю свою мозговую аналитику, да еще активнее подсоединяют зоны, обрабатывающие зрительную информацию. Интуиция часто подводит, от эмоций тоже могут быть разные неприятности. А холодная мужская аналитика в реальной жизни порою становится источником осмысленных и тщательно взвешенных поступков.

Многочисленные исследования показали, что коэффициент интеллекта (IG) у мужчин в среднем несколько выше – 119, у женщин – 113. Но мужчинам принадлежат и самые высокие, и самые низкие показатели IG. То есть среди сильного пола больше как смекалистых, так и умственно отсталых.

После расшифровки генетического кода человека выяснилось, что мужчина и самец шимпанзе похожи на 98,4 процента. Женщины – не настолько обезьяны. Но, вместе с тем, американский ученый, бывший пре-

зидент Гарвардского университета – Лоуренс Саммерс заявил на Международной конференции в мае 2005 года: «Женщины не могут достичь значительных успехов в естественных науках и математике не из-за социального неравенства, а из-за генетического отличия от мужчин».

В этой связи представляется небезынтересным один из примеров, разрушающий гипотезу американского ученого. Софья Ковалевская еще в детстве проявила незаурядные математические способности, но она не имела никаких возможностей поступить в университет и получить высшее образование в России. В 18 лет она решает вступить в фиктивный брак с В.О. Ковалевским и уехать за границу. Но даже будущий выдающийся палеонтолог не смог ей помочь в поступлении в университет. Зарубежная Европа в то время не жаловала студенток. Ее не приняли в Берлинский университет. Судьба свела Софью с выдающимся математиком, противником допущения женщин в университет К. Вейерштрассом, который был поражен способностями русской девушки. И в 1874 году по настоянию знаменитого математика, охарактеризовавшего три работы по математике как совершенно блестящие, знаменитый Геттингенский университет присваивает ей без экзамена степень доктора философии.

А выдающемуся математику Эмми Нётер, внесшей важнейший вклад в создание абстрактной алгебры, именем которой названа фундаментальная теория физики, связывающая законы сохранения асимметриями системы, уже в XX столетии долгое время в Геттингемском университете не давали звания приват-доцента. А все дело в том, что для нее открывалась возможность стать затем профессором и тем самым членом университетского сената, а это считалось тогда для женщины недопустимым. По воспоминаниям ее современников, только один мужчина, крупнейший математик XX века Д. Гильберт, узнав об этих соображениях, воскликнул: «Ах, господа, сенат не баня. Почему женщина не может туда войти?».

Возвращаясь к вопросу гендерного неравенства в политической сфере российского общества отметим, что – это сильное препятствие на пути демократических реформ. Гендерную асимметрию в политической

сфере руководящие (и не только) работники объясняют «устоявшейся традицией» массовых представлений о распределении мужских и женских ролей в общественной и политической жизни. Такая позиция устаревает хотя бы потому, что на микроуровне власти – в повседневной жизни российской семьи – гендерные отношения складываются иначе: в тенденции эти отношения все больше тяготеют к партнерству, к утверждению норм равноправия.

К сожалению, приходится констатировать, что в Российской Федерации гендерные характеристики макро- и микроуровней власти являются разнонаправленными. Нельзя не согласиться с высказываниями С. Айвазовой о том, что источник патриархальной власти, характерной для макрообщества, следует искать не только в гендерных отношениях в семье и разделении труда в домашнем хозяйстве, сколько во власти общественных институтов, ограничивающих возможности женщин в сфере публичной политики. Подобная конструкция гендерных отношений свойственна не столько современным демократиям, «сколько доиндустриальным обществам накануне буржуазных революций»⁷.

Действительно, во время расцвета монархий, когда все жители государства были отчуждены от власти, они считались подданными государя, не было речи о гендерных проблемах, правах человека. Но сегодня в Конституции РФ 1993 года записано, что «Российская Федерация – Россия, есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» (ст. 1). Остается только следовать этому определению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М., 1999. – С. 665.
2. Цит. по: Айвазова, С.Г. Гендерное изменение власти в современной России. К постановке вопроса / С.Г. Айвазова // Политическая наука. – 2004. – № 1. – С. 160.
3. Женщины мира в борьбе за социальный прогресс. – М., 1972. – С. 59.
4. Конституция Российской Федерации. – М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем». Изд-во ЭК-МОС, 2000. – С. 9.
5. Айвазова, С. Указ. соч. – С. 178.
6. Комсомольская правда. – 2005. – С. 10-11. – 16-23 июня.
7. Зидер, Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII-XX вв.) / Р. Зидер. – М., 1997. – С. 16.